

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

КЛАССИК СОВЕТСКОГО ДЕТЕКТИВА

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

МАСТЕР

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

В оформлении обложки использована
иллюстрация художника *А. Шпакова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Antipater, yuriyzhuravov, wernerimages / Istockphoto /
Thinkstock / Gettyimages.ru; moodboard / Thinkstock /
Gettyimages.ru.

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Мастер / Николай Леонов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Николай Леонов – классик советского детектива).

ISBN 978-5-699-94760-7

Серия дерзких квартирных краж заставила МУР бросить на поиск преступника лучших сотрудников. В их числе — молодой опер Леонид Зубов. С завидным рвением он начинает отрабатывать самые невероятные версии, появляясь то в апартаментах известной кино дивы, то в грязной коммуналке, где коротает свой век бывший сиделец. Но преступник дерзок и хитер: он ловко меняет личины, путает следы. В какой-то момент оперативники понимают, что все эти кражи — только прелюдия к предстоящему крупному делу. Чтобы предупредить очередное беззаконие, сыщики привлекают к расследованию настоящего Мастера...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94760-7

© Леонов Н., наследники, 2017
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2017

Пролог

— Ну, вот и все, — сказал начальник краевого управления. — Ну, вот и пора распрощаться, Михеев. Скатертью дорога, так сказать! Три дня вам на сборы. На тары, на бары. На всякую раскачку. Потом дорога поездом — и на шестой, по месту новой службы, как часы.

Он рассуждал-прикидывал, будто это касалось его: и перевод в Москву, и железнодорожный контейнер, и всякое такое, сопряженное с отъездом. Он фантазировал, что бы сделал он в положении Михеева. Внешне это был совет о том о сем, а по сути — рассуждение насчет того, как бы он повел себя, заполучи перевод в столицу. Первым делом он бы собирался три дня и три ночи, всласть и со смаком пакуя каждую щетку.

А Михееву хватило дня с избытком. Ну, день бы взял еще на всякий случай. Не более того. Отдел он передал заместителю, и делать ему здесь было нечего, в Краснодаре. Лишний день — это пытка. После смерти жены минуло много времени, но город, где, куда ни ступи, все связано с ней, не перестал быть источником печальных воспоминаний.

Он просился куда угодно, лишь бы отсюда подальше. Так и написано в рапорте синим по белому. И начальник его читал, от него-то рапорт пошел вверх, переходя из рук в руки. А оттуда спустили взамен другую бумагу, и она также передавалась из рук в руки — только в обратном порядке. Это там, в министерстве, решили по поводу Москвы. Он, Михеев, узнал и подумал: ну что ж, это кстати — в Москве его дочь и внучата, — пожалуй, ему повезло.

— Там-то вы в Лужники. Там уж все матчи, — проговорился начальник.

Он все-таки слегка завидовал Михееву доброй завистью старого друга.

— Там двое внучат, в Москве. Такие подрастают сорванцы, — возразил Михеев, защищаясь.

— Ну да? За «Динамо»-то вы болеете? Не станете же отрицать?

— Разумеется.

Сказал он просто так, стараясь не обидеть. А ему давно не до футбола. Это была какая-то другая страна — футбол. Веселая и беспечная. Но ему там места не нашлось. Не подошел он как-то.

— Ваши документы.

Наконец-то он с ними расстался, начальник.

— Ну что ж, счастливого пути и всяческих успехов, — сказал он, поднимаясь и долго не отпуская михеевскую руку.

Потом Михеев зашел в хозчасть и сдал пистолет.

— Пока займитесь утюгом. Для тренировки. Чтобы кисть не отвыкла. Вытяните руку с утюгом и так подержите, — сказал начальник хозчасти, составляя акт о сдаче оружия.

Михеев расписался где положено и вышел на улицу. Здесь его поджидали. Напротив, через улицу, стоял пожилой мужчина в новом двубортном пиджаке и полосатом галстуке. Он привалился плечом к стволу при-

земистой катальпы и угрюмо смотрел на Михеева. Его глаза сидели глубоко под густыми бровями; издали просто темнели глазные впадины, и было трудно разобрать, куда смотрит их хозяин. Но Михеев знал точно: взгляд принадлежит ему. Большие мягкие листья катальпы висели почти над головой мужчины, как мягкие собачьи уши, и ствол ее, казалось, поскрипывал под тяжестью его плеча — такая сила угадывалась под пиджаком.

Михеев глянул мельком на ожидавшего и пошагал к центру города. Мужчина помедлил, точно нехотя оттолкнулся плечом от катальпы и двинул следом за Михеевым. Иногда косясь на витрины, Михеев видел его отражение. Мужчина шел теперь почти вровень по другой стороне улицы.

Потом он покупал чемодан в универмаге, а непрощенный спутник торчал поодаль за спиной, и публика разбивалась о него, будто о скалу, обтекала стороной.

Подобрав чемодан, Михеев направился в кассу. Мужчина стоял все на том же месте, как раз на его пути.

— А, Мастер, это ты? Ну, здравствуй. Как живешь? — сказал Михеев принужденно.

— Здорово, начальник. Твоими молитвами только, больше еще чем? — мрачно буркнул Мастер, не уступая дорогу.

— Ну, я пошел, — сообщил Михеев, хотя толком и сам не знал, зачем он это объясняет. Пошел себе — и все, какие разговоры.

Но Мастер промолчал, только выпятил нижнюю губу, задумчиво или просто так. И Михеев тоже его обогнул; при этом Мастер не шелохнулся, так и остался к нему спиной. Но когда Михеев шел назад к прилавку, Мастер все же удосужился сделать разворот. Он медленно повернул свое тяжелое тело вокруг оси и встретил Михеева лицом.

— Значит, уезжаешь? — на той же низкой ноте произнес Мастер, обращаясь скорее к самому себе.

— Переводят, Мастер, — сказал Михеев чуть ли не в оправдание.

И без этого можно было обойтись, никто не тянул за язык. Но он стоял перед Мастером и разводил руками.

— Ну-ну... — помолчав, выдавил Мастер из себя, по-прежнему не уступая дорогу.

— Такие дела, — согласился Михеев тоже

после паузы, и это напомнило тот день, когда они молча два часа просидели у Мастера за столом, лицом к лицу, и только изредка цедили это же самое «ну-ну» и «такие дела».

Тогда, в прошлую зиму, Мастер ни с того ни с сего пригласил его на день рождения. И Михеев, застигнутый врасплох, от этой неожиданности принял предложение. Они сидели молча вдвоем за нетронутой бутылкой водки. Говорить им было не о чем. И они сидели, невольно погрузившись в общие воспоминания, только каждый вспоминал свое в этих совместных эпизодах.

— Такие дела, — повторил Михеев и опять обошел Мастера, стараясь не задеть.

Каким образом пронюхал Мастер о его отъезде? Тут оставалось только гадать. Может, за минувшие тридцать лет между ними уже возникло нечто вроде телепатической связи? Между ним, работником розыска, и этим матерым, замшелым преступником. Чего только не бывает! Не учтешь всего, когда вот так некий человек становится как бы частью твоей жизни. И хотя в последние годы Мастер ушел на покой, это уже ничего не меняло.

Но вот теперь их пути расходятся, и Мастер навсегда выбывает из его жизни. Михеев подумал об этом только сейчас. Его собственная судьба настолько сплеталась с судьбой Мастера, что эта мысль поначалу показалась удивительной. Он даже обернулся. Но толчея скрыла Мастера. И только по кипящим бурунам можно было догадаться, что тот по-прежнему стоит на скрещении самых людных путей: между прилавками и кассой.

Михеев поправил штатскую кепку из набивного материала и вышел на улицу.

В квартире опустело, часть вещей он уже упаковал и сложил вдоль стенки. Теперь здесь завелось эхо, и шаги его получили продолжение, повторяясь под потолком. Он набрал телефон товарной станции, справился о контейнере, который был заказан еще три дня назад, и занялся укладкой.

Вещей от жены еще оставалось много. Они попадали на глаза и под руку на каждом шагу и бередили приутихшую боль. Часть их, имевшую ценность, он отправил ее родне. Остальное отнес дворничихе. Оставил только памятное. И казалось, после этого нечего будет паковать: у него-то самого вещей

раз, два — и обчелся. Но не тут-то было! Он запутался в массе мелочей.

Так уж бывает всегда — до поры до времени вещи таятся по углам, по темным закоулкам квартиры, и вроде их нет, но стоит потревожить их многолетнюю спячку, как они начинают лезть из всех щелей.

Временами хлопоты приводили его к окну, и он тогда бросал невольный взгляд на улицу. Там, наискосок, где виднелся угол сквера, сидел на скамейке Мастер.

Скамья стояла неудобно, и Мастеру пришлось сидеть спиной к михеевским окнам. Он изредка поворачивал голову и смотрел на окна. И Михееву было нетрудно представить, как багровеет могучая шея Мастера от такой принужденной позы.

Мастер сидел допоздна, пока не растворился в темноте, но утром он пришел, когда загружался контейнер. Михеев и рабочие натужно волокли пианино, покрикивая: «Давай, давай!» — а Мастер наблюдал в сторонке, и его лицо с мелкими чертами было безучастно ко всей этой возне. Только его глаза временами останавливались на суемящемся

Михееве, и тогда по ним можно было догадаться, что Мастер о чем-то думает.

— Чего стоишь? Лучше подмогни! — истошно завопил один из рабочих, шатаясь под тяжестью груза.

Мастер и бровью не повел, будто не его это касалось. Он-то, который пер несколько верст на собственном горбу металлический сейф средней величины, потому что замок не открылся на месте, где сейфу было предписано стоять. Тогда Мастер взвалил на себя эту стальную махину и затрусил по проселку, а потом разнес ее на куски, и Михеев вместе с оперативной группой собирал вещественные доказательства по частям: дверцу — там, а стенки — сям. И теперь такая сила стояла без действия, спокойно наблюдая за всеми их потугами.

В конце-то концов на контейнер навесили пломбу и повезли на станцию. Михеев стряхнул с ладоней пыль, вытер лоб носовым платком и только тогда посмотрел на Мастера.

— Вещички, значит? Барахлишко? — просипел Мастер со своей позиции издали и да-

же шага не сделал, хотя их разделяло расстояние, для беседы неподходящее.

— Барахлишко, Мастер. Вещички, — подтвердил Михеев, закурил и обвел глазами улицу, прощаясь.

Ответ, вероятно, исчерпал весь вопрос до дна. Мастер молчал. Так они немного постояли, переминаясь. Потом Михеев кивнул и вошел в подъезд, точно порвал невидимые путы, а Мастер навечно остался там, за пределами его жизни. Вечером поезд — и прощай, Краснодар!

Но Мастер решил по-своему. В его распоряжении несколько часов, и рано их сбрасывать со счета; он, видно, так полагал и потому появился на перроне. Опять его привела все та же непонятная сила. Привычка, что ли.

Под вечер у Михеева собрались друзья. Сидя на чемоданах, выпили по рюмке и потом, расхватав багаж, покатали на вокзал.

Поезд пришел со стороны Новороссийска. Он был похож на притихшую свиноматку, у брюха которой, стоя, толкутся поросята, или на бревно, облепленное энергичными муравьями, — настолько пассажиры осадили состав.

Более всего их накопилось у михеевского вагона. То ли проводница была близорукой, то ли неповоротливой, только у вагона выросла очередь. И Михеев стоял с друзьями в стороне.

Приятели били по рукам, трясли за плечо, кричали вразнобой, прощаясь.

А поодаль, широко и твердо расставив чугунные ноги, стоял Мастер. Он курил, затягиваясь неторопливо. Сигарету прятал в ладонь по мальчишеской привычке, а вторая рука была в кармане.

Покрывая шум, надрывался диспетчер, гоня маневровые:

— Иванов, какого черта?!

Сквозь хаос продрался настойчивый голос диктора и сказал:

— ...ква осталось пять минут.

Михеев поднялся в вагон. У входа в тамбур он обернулся. Внизу маячили седые кудри и лысины друзей. Мастер стоял на том же месте. Михеев машинально ему кивнул и поволок чемодан в купе.

Мастер некоторое время машинально шагнул за поездом по рельсам. Но, в общем-то, так все равно было ближе к дому. Словом,